

Его вельветовые брюки имели все еще очень приличный вид. За брюки он был спокоен. В присутственных местах можно непринужденно вытягивать ноги или класть одну на другую, слегка покачивая верхней. Впрочем, тогда видны мокасины, а их биография насчитывает выслугу лет куда более почтенную.

В присутственных местах, пожалуй, разумнее всего убирать ноги под кресло, тогда колени, обтянутые приличными брюками, на виду, а мокасины не мозолят глаза секретаршам, от которых, увы, так часто зависит многое.

Вот она, голубушка, вышла из кабинета. Пригласит к шефу? Или?..

Он приподнялся в кресле, стараясь, чтобы выражение лица не казалось напряженным и ожидающим. Нет-нет, все легко и непринужденно. Ничего особенного не происходит. Просто человек с высшим образованием, с красным (на всякий случай) дипломом всего только полжизни не может устроиться на работу. И так — что же на этот раз?

Секретарша очень славная, надо отметить. Милое, чуть огорченное лицо. Ну-ну, девочка, не стоит из-за меня огорчаться, дело житейское. И так?!

8 — Петр Авдеевич, к сожалению, у нас все еще неясность в этом вопросе. Елена Ивановна ушла в декрет, но, как выяснилось, Инга Семеновна на будущей неделе как раз из декрета выходит... Ну и... вы понимаете...

— Понимаю, — подхватил он с улыбкой, с мерзейшей легкой улыбкой, выработанной его лицевыми мышцами в течение этих месяцев. — У вас налажено собственное производство новорожденных завлитов.

Она расхохоталась. Нет, она милая, ей-богу. Были бы деньги, пригласил бы ее... ну хоть в театральный буфет.

...Неужели все-таки придется вступить в эту унижительную, смехотворно мелкую игру: красиво сунуть секретарше коробку конфет, «уютно посидеть» с тем и этим инструктором министерства, появляться, крутиться, мелькать, внедряться «в круги», держа при этом в голове, кто в какую группировку входит, чтобы не ляпнуть, не дай бог, чего-нибудь или не столкнуть двух борзых из разных свор... Титаническая работа мозга и нервов, по плечу разве что разведчику из телевизионного шедевра.

Он приложился к мягкой выхоленной ручке, молча поклонился. И все это — чтобы ступить наконец на нижнюю ступень эскалатора, медленно ползущего вверх, на самую нижнюю, затоптанную, с ошметками сохлой грязи, ступеньку, — ах, потеснитесь же, дайте хоть левой ногою нащупать твердь, я повишу, я без претензий...

Врешь, братец, ты с ба-а-льшими претензиями... Прочь!

— Вы все-таки позванивайте, Петя, — секретарша понизила голос и многозначительно метнула глазками в сторону кабинета. — Вдруг что-нибудь да изменится... Вообще-то мы в вас заинтересованы.

Присвистывая и кивая знакомым физиономиям, он спустился по угнетающе величественной лестнице в служебный гардероб...

Много народу. Народу, говорю, слишком много в этом городе, в этой области искусства, какую вы, драгоценный Петр Авдеич, выбрали для приложения своего таланта, в существовании которого, кстати, так странно, так незыблемо уверены... Ну, довольно шута перед собою ломать. И что за милая привычка тихого сумасшедшего появилась у тебя в последнее время — беседовать с самим собою? Иди, дурак, и делай что должно, а то на пенсию тебя проводит незабвенная швейная фабрика и драмкружок, которым без малого три столетия ты руководишь...

Хорошо, что швейцар здесь не имеет привычки услужливо разворачивать перед тобой твой же старый плащ штопаной подкладкой наружу... Елена Ивановна в декрет, Инга Семеновна из декрета... Развели бабья кругом, бабье заправляет в искусстве...

...Он навалился грудью на тяжкую, как чугунная плита, дверь служебного подъезда, с вертикально привинченной табличкой «От себя», вышел на улицу и достал из кармана плаща мятую кепочку — ветер трепал над головою мелкий дождик.

Старуха, конечно, ничего толком не поймет, но не откажет себе в удовольствии покуражиться,

10 особенно если вечером в мастерскую кого-нибудь черт принесет. В ее девяностопятилетней памяти перетасованы времена и нравы, ей кажется, что она по-прежнему профессор ВХУТЕМАСа и стоит только позвонить Фаворскому или Левушке Бруни, как с Петей все моментально устроится. Маразма у старухи нет, этого и злейший враг не посмеет сказать, но бестолковость — сверхъестественная...

По поводу врагов: все они благополучно померли в прошлых веках, старуха победоносно их пережила и похерила, ныне ее окружают сплошь любимые друзья. Враг, притом злейший, остался только один: Петя...

Из-за фонаря выскочил бездомный сирота Шарик, которого здесь изредка и скудно подкармливали, пристроился сзади на почтительный шаг и потрусил с Петей через дорогу к остановке. Перед прохожими прикидывался, да и перед собою тоже: вот, мол, и у меня хозяин есть.

Они перешли дорогу. Под навесом остановки Шарик топтался рядом, крутил хвостом и скромно посматривал вверх. Не навязывался, нет. Петя наклонился и почесал его мокрую спину. Шарик заныл от счастья.

— Ты чего такой худой? — спросил его Петя строго.

Шарик заплакал. И видно, что не из расчета, а так, растрогался.

— Дружище, взял бы, ей-богу, взял, я в тебе заинтересован, — сказал Петя громко, возложив по-оперному руки на грудь. — Но сам понимаешь: Елена Ивановна — в декрет, Инга Семеновна — из декрета...

Девушка в долгополом, очень модном пальто, сидевшем на ней как тулуп на ямщике, бочком отошла подальше. Это рассмешило.

— Взял бы, — продолжал Петя громко и душевно, — да старуха выгонит обоих... Два приبلудных пса — даже для нее многовато... А ты приходи в драмкружок швейной фабрики, я дам тебе роль волкодава...

Оттого что с ним говорили так громко и ласково, сирота Шарик совсем размяк, он расстился у Петиних ног, молотил хвостом по асфальту и закатывал глаза — то есть, по всему, находился на вершине блаженства.

— А что, швейная фабрика — это идея, — пробормотал Петя, опускаясь на корточки и бесцеремонно трепля разомлевшего пса. — А? Давай, друг, я уведу тебя из зланных мест в места трудовой славы, например к вахтеру Симкину... Довольно быть прихлебателем у искусства, пора начать здоровую трудовую жизнь... Ну пойдем, здесь не очень далеко. Давай, восстань из праха... Прекрати, говорю, валяться, как слабоумный. Пойдем!

И они пошли в сторону переулка, дружески беседуя. Последнее, что расслышала девушка в ямщицком тулупе, было:

— ...И перед смертью утешусь мыслью, что устроил судьбу одной хорошей собаки.

* * *

Не заглядывая к старухе, он поднялся в свою каморку, снял, бросил на кресло плащ, что случилось с ним очень редко даже в последние проклятые месяцы, и повалился на топчан.

12 Снизу, из мастерской, доносились голоса. Старуха бубнила басом — что-то рассказывала, она любит поговорить на тему «В мое время», хотя все времена считает своими. Несколько раз взрывался молодой и сильный смех женщины. Красивый, низкий и свободный смех. Кокетки и глупенькие так не смеются. Нужно быть достаточно привлекательной, чтобы позволить себе подобную роскошь.

Ах да, утром старуха раз двадцать говорила, что Матвей начинает наконец писать ее портрет. Она помешалась на этом будущем портрете, как помешалась и на Матвее. Не будем мелочны — старуха вообще помешана. По этому поводу нельзя даже сказать, что она сошла с ума, потому что такой она и родилась на свет. И дело тут не в легендарных девяноста пяти годах. Пятнадцать лет назад, когда робким провинциальным мальчиком он был приведен кем-то из друзей в мастерскую на Верхней Масловке, с привычками и характером у могучей старухи дело обстояло примерно так же. С характером особенно. Впрочем, тогда его здесь все восхищало: эти неженские, мощные, в глине лапы с закатанными по локоть рукавами, эта агрессивная независимость и мгновенная реакция в любом разговоре с любым собеседником. Нужно было пятнадцать лет потереться об этот характер, чтобы, став неврастеником, понять наконец, откуда что взялось...

Так, значит, Матвей начал портрет. Вероятно, пришел он не один, а с новой женою. Первая не выдержала вдохновенного сожительства с гением и улизнула к нормальному человеку, не то шоферу, не то слесарю. Правда, черты ее не будут уве-

ковечены в «портретах жены художника», но зато в доме у нее теперь, надо полагать, чисто, покойно и не воняет скипидаром... Вторая, если она не дура, поступит так же.

Сойти, что ли, вниз, посмотреть на новую жену Матвея? Судя по смеху, это должна быть штучка.

Он поднялся, натянул старый домашний джемпер и, чувствуя зябкую сырость, пощупал батарею парового отопления.

Сволочь Костя! Только позавчера содрал с них едва ли не последнюю трешку, и пожалуйста — сегодня батареи опять едва теплятся. Он решил наорать наконец на подонка Костю, личного, как говорила старуха, слесаря. Хронический бездельник Костя приходился мужем Розе, которая иногда стряпала им, надо отдать ей должное, довольно вкусно, но слишком дорого. Роза, безусловно, их обкрадывала, и, черт возьми, правильно делала. Надо быть святой или безмозглой идиоткой, чтобы не почуять, как легко старуху обворовать, и не воспользоваться этим. И к чему, к чему в их жизни, ко всем остальным сложностям, нужна бесстыжая Роза?! Это все то же полное нежелание старухи осмыслить действительность и хоть как-то приспособиться к ней. Ну как же — она никогда и ни к чему не приспособливалась! Как же, как же — домработницу иметь необходимо, чтобы целиком отдавать себя творчеству

Она получает большую пенсию. Скажем так, самую большую, какую можно у нас получать. Но проследить, куда и когда испаряются эти деньги, совершенно невозможно — большая часть уходит на подачки даровитым алкоголикам из соседних мастерских, на праведное дело опохмела. Быва-

14 ет, и крупные суммы приваливают, когда музей покупает какую-нибудь старую работу, но и это все течет сквозь пальцы, выбрасывается на ветер, раздается; наконец, просто исчезает. Буквально: лежала в конфетнице пятерка, заглянула Роза на минутку — и остался в конфетнице пшик с карамелькой... Нынче уж совсем туго. Размах у старухи прежний, а денег нет. Вот уже два месяца нет Петинной скромной зарплаты, а на нее, бывало, кормились, когда старухина пенсия исчезала вдруг за два дня.

Он спустился по деревянной лестнице в холодную, с цементным полом прихожую, мельком оглядел брикеты скульптурного пластилина на стеллажах, мешки с глиной и гипсом по углам, — слава богу, Роза хоть на это не зарится.

За обшарпанной дверью мастерской басила старуха:

— ...И вот что, Матвей, милый, расстелите-ка под этюдником газету и использованные тряпки бросайте на нее. А то сейчас явится сумасшедший Петька, и нам с вами влетит.

Ну да, сумасшедший Петька, пугало Петька, ничтожество Петька. Добавьте еще — нахлебник Петька, бессовестный тунеядец, сидящий на шее у старухи!

Он не стал заходить в мастерскую, прошел по коридору в уборную, где батареи совсем не топились. Конкретная ненависть к негодяю Косте затмевала сейчас даже постоянное глухое раздражение.

Заходить в мастерскую не хотелось потому еще, что он вспомнил: сегодня старуха собиралась занять у Матвея денег. Он ухмыльнулся мыслен-

но: интересно, как великий Матвей чувствует себя при солидном бумажнике. Бессребреник Матвей, нищий Матвей... Да, старухе никогда прежде не пришло бы в голову одалживаться у него, все знали, что художник живет на копейки. Кажется, он вел где-то студию за какие-то восемьдесят рублей. А что такое восемьдесят рэ при нынешних ценах на холст, краски, кисти? Учитывая, что Матвей работал как вол, можно представить — что из этих восьмидесяти оставалось ему на жизнь. До недавнего времени старуха сама невзначай подкармливала его, подкармливала буквально — бутербродами, кашей какой-нибудь, потому что денег Матвей не брал никогда.

Ну а теперь времена переменились. Матвей женился. Говорят, супруга — переводчица то ли с испанского, то ли с португальского и гребет приличные гонорары. Во всяком случае, в последний раз Матвей явился в дубленке, в которой, похоже, не очень свободно себя чувствовал. Хм... интересно, как в таких семьях распределяются отношения?

Перед дверью мастерской в сумраке прихожей изогнулась, заломив руки в неге утреннего пробуждения, обнаженная гипсовая Нора. Когда к старухе являлось много народу, на Нору вешали шарфы и шляпы. Тогда она переставала быть пышущей здоровьем колхозницей и становилась похожей на девку из непристойного варьете. Увы, сама Нора — безотказная натурщица всех скульпторов с Верхней Масловки — умерла лет десять назад. Впрочем, это отдельная, шемяще-грустная история...

Он поймал себя на том, что снова стоит перед дверью мастерской, прислушиваясь к голосам —